

Библия говорит, что весь род человеческий начался от одной пары – Адама и Евы. Одни из нас относятся к этому, как к детской сказке, другие понимают буквально – и про Еву, и про запрет, и про змия. Думаю, что эта поэтическая метафора имеет глубокий скрытый смысл. Было в Истоке жизни (то есть в раю) два дерева – Древо жизни и Древо знания о жизни. Вкуси плод первого и войдёшь в жизнь, причастишься Ей, ничего не узнавая о Ней извне. Жизнь внутри тебя, и ты внутри жизни. Всё знание – внутреннее, сердечное. **Мы узнаём о смысле жизни, только вмещая Его.** Он (этот смысл, сама жизнь) и **мы – одно.**

А можно изучать Его, не соединяясь с ним, а наблюдая извне, и пытаясь **ОВЛАДЕТЬ** Им.

Когда ребёнку дарят игрушку, у него есть выбор: либо беречь, любить её и входить с ней вместе в незнакомый, таинственный мир – Тайну, от ума сокрытую, но разрастающуюся, расцветающую в сердце и растящую сердце; либо сломать игрушку, чтобы увидеть, как она устроена, ни на какую тайну не согласиться, а требовать всё новых и новых игрушек, чтобы было что разбирать и сладострастно узнавать, что же там внутри. Тогда, может быть, можно прожить длинную жизнь, всё время убегая от скуки, но одновременно и от самой жизни, от её Тайны. Тайна эта будет навсегда сокрыта от ограниченного нашего ума, ибо – она безгранична. **Познать Тайну извне нельзя. Тайне можно только причаститься.**

Такие две возможности нам даны. Не только были даны когда-то, но даются всё время, каждый миг: сломать и пытаться узнать, что внутри, или беречь и причащаться...

Библейское предание говорит о том, что Бог запретил срывать плод с Древа познания под страхом... потери контакта с Ним – с неведомым уму Источником жизни.

Наш замечательный современник митрополит Антоний Сурожский сказал: «Грех есть потеря контакта с собственной глубиной». А в глубине, внутри – то самое, что по библейской терминологии зовётся Царствием Божиим. Там, в глубине, та гармония с миром, которая никак не может воплотиться в человеческой истории.

История эта по Библии началась с Адама и Евы, с изгнания из Рая, то есть из Источника Жизни, с потери контакта с этим Источником, со своей собственной Глубиной. **Люди просто вышли из Глубины на поверхность**, и всё, что получали даром, пришлось зарабатывать в поте лица. Просто потому, что нарушили связь с Источником жизненной силы. Ева стала в муках рожать детей, и вот родила двух сыновей Авеля и Каина. И произошло первое убийство, братоубийство...

Что-то у Авеля получилось лучше, чем у Каина, и Каин решил, что это несправедливо. Ну, точно так, как пушкинский Сальери по отношению к Моцарту. «Все говорят: нет правды на земле, но правды нет и выше». Есть у Волошина великая поэма «Путями Каина». Мир, как говорит поэт, пошёл по пути Каина.

Да, Каин жив до наших дней. Но жив и Абель. В мире есть Гитлер и Сталин. В мире есть Бах и Моцарт, Пушкин и Достоевский, Тагор и Рильке. В мире есть и Иисус, которого вновь и вновь убивают бесчисленные каины, а Он вновь и вновь воскресает с кровавой раной в груди, и просит нас вложить персты в эту рану...

Итак, мир пошёл путями Каина, и убийствам нет числа, и кровавому потоку – окончания. Но в мире живы и авели, которые хотят поставить преграду кровавому потоку. Они идут на всё новые и новые жертвы, чтобы остановить зло. Их число ведь тоже не кончается. Они жаждут очистить воздух, которым мы дышим, дать возможность Духу веять всюду, входить в нас, несмотря на все газовые атаки, заполняющие воздушное пространство и грозящие сделать его безвоздушным.

*Жил на свете рыцарь бедный,
Молчаливый и простой,
С виду сумрачный и бледный,
Духом смелый и прямой.*

Да, появляются Дон Кихоты, которые со злом мириться не могут. Они выходят на бой с ним.

В начале XX века зло разрастается до совсем гигантских размеров. Первая мировая война. Все воюют со всеми. Друзья, только что писавшие друг другу письма, полные любви, стреляют друг в друга. Одна нация воюет с другой, уверенная, что делает святое дело. Святым делом ощущается защита своих.

И вот набирает силу другой голос. Он начал звучать уже давно, ещё до страшной войны. Он появляется и растёт в XIX веке: «Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма». Умами и сердцами завладевает идея **СПРАВЕДЛИВОСТИ**. И своими теперь оказываются совсем не люди своей нации. Свои – это все угнетённые, все несправедливо обиженные. Интернационал. «Свобода, равенство, братство». И как ринулись все «униженные и оскорбленные» поднимать это знамя!..

*Весь мир насилья мы разрушим
До основанья, а затем...*

Церковь давно перестала защищать детей Божьих. Слова апостола Павла: «Несть во Христе ни элина, ни иудея», – напрочь забыты. Крестовые походы, костры инквизиции, агрессивность самой церкви спровоцировала и

агрессивность её пасты. Во всяком случае, она никак не препятствовала еврейским погромам, которые бушевали в России, на Украине. У нас дело Бейлиса, во Франции – Дрейфуса.

*А Мадонна шла по Иудее,
В платьице, застиранном до сини,
Шла Она с котомкой за плечами,
С каждым шагом становясь красивей
С каждым вздохом делаясь печальней...*

*...Шла она и думала о Сыне
И о смертных горестях сыновних.
(А. Галич)*

Итак, всей страшной несправедливости надо противостоять, – решили Дон Кихоты XX века, и запели:

*Это есть наш последний
И решительный бой.
С Интернационалом
Воспрянет род людской.*

Однако род людской не воспрял, хотя верили в это не только Ленин и его сподвижники. В начале 20-х годов с великой надеждой смотрели в сторону Советского Союза величайшие умы и сердца не только Европы, но и Азии. Тагор писал восторженные письма о России. Ромен Роллан смотрел на русский эксперимент с великой надеждой на то, что из мирового кризиса найдется выход. (Вот только процессы 36-37-го годов заставили его задуматься и написать что-то вроде протеста, за что его имя и перестало значиться в списках друзей Советского Союза). А как рвалась назад, в Россию, первая русская миграция! Даже М. Цветаева, написавшая мудрейшего «Крысолова», однажды промолвила:

*Россия, моя Россия,
Зачем так ярко горить?!*

А муж её, сражавшийся в белой армии, говорил ей, что хорошо понял: «Восхвалять «Лебединый стан» было не за что. Мы были чужды народу. Народ был против нас». Это чувство их неправоты, их ошибки всё усиливалось. Там, на Западе, куда они были изгнаны, дышать было нечем. И С. Я. Эфрон и дочь его, и сын поверили в правоту Советского Союза. Всем сердцем рванулись туда и приехали.

Сергея Яковлевича ждал арест и расстрел. Ариадну Сергеевну арест и длительная ссылка. Марина Ивановна избрала крюк в Елабуге. И нечто подобное ждало всех возвращавшихся на любимую Родину.

Всё это хорошо известно. Слишком хорошо. И вывод известен: «Мы думали, что здесь рай, а здесь ад. Не бежать надо было сюда, а бежать отсюда». Но попробуй бежать из СССР! Железный занавес.

Великий порыв к свободе привёл к тотальной несвободе. А там, на Западе вроде бы осталась свобода. И вот всё постепенно переосмысливается, поворачивается на сто восемьдесят градусов. Прошлое, из которого рванулись в революцию, теперь видится раем. А все Дон Кихоты – мерзавцами. И хуже всех те самые жида, которые якобы и делали револю-

цию. И – давай подсчитывать – сколько евреев среди главарей революции... В старую Российскую Империю! «Николай второй – святой мученик». То, что мученик – это правда, но святой?.. Тот, кого только что называли Николаем Кровавым?..

Ясно одно: рванулись было к свободе, а обрели рабство, в сто раз хуже, чем прежде. И тогда прежнее рабство показалось свободой. А Запад, никуда не рвавшийся, богатый, сытый, соблюдающий права человека, стал мыслиться, как блаженный остров истинной свободы. Борьба «За лучший мир, за святую свободу» привела к краху свободы. А ведь враг был побеждён. Красная армия победила и белую, и войска Антанты. Что же произошло? Знамя свободы гордо развевалось над шестой частью земного шара, как потом оно развевалось в Берлине над Рейхстагом. А победители оказались побеждёнными. Кем? Самими собой. Своими представлениями о свободе.

Вот и настало время подумать: **что же такое Свобода?**

Очень давно были произнесены слова: «Познайте Истину, и Истина сделает вас свободными». На вопрос Пилата: «Что есть Истина?». Христос ответил молчанием. Но ведь Он уже сказал: «Я есмь Истина». Значит, только познав Его, познав Бога, можно стать свободными. Но зададим себе сначала странный вопрос: «А что такое Бог? Кто и кто это?».

В советское время нам говорили, что Бога нет. В постсоветское объявили, что Он есть. Но, мне кажется, что и тогда, и сейчас мы, если и были от кого-то (или чего-то) свободными, то это – от Бога. И, может быть, такая свобода и есть худший вид рабства. Хотя есть термин «раб Божий». Я знаю людей, которые только потому и отвергали религию, что не хотели называться рабами. Но, может быть, мы слишком буквально понимаем слова, не вдумываясь в их глубинный смысл?

*Я – Божий раб. И нет раба покорней.
А вы свободны, и гордитесь вы
Свободой веток от ствола и корня,
Свободой плеч от тяжкой головы.*

Есть свобода частей и свобода Целого. У Достоевского в «Сне смешного человека» есть такие слова: «У них не было храмов, но у них было какое-то насущное, живое и беспрерывное соединение с Целым Вселенной; у них не было веры, зато было твёрдое знание, что когда восполнится их земная радость до пределов природы земной, тогда и наступит для них, и для живущих, и для умерших, ещё большее расширение, соприкосновение с Целым Вселенной».

Без этого единения с целым Вселенной нет настоящей жизни. Всю историю человеческую люди боролись за свободу и освобождали какие-то части того, что носит имя Человек. Человеком, Сыном Человеческим назвал себя Тот, кто был одновременно и Сыном Божиим. Но и всех людей он называл детьми Божиими. И дал нам молитву, начинающуюся словами: «Отче наш, живущий на небесах». Нащ. Не мой, а нащ. У нас всех один Родитель, один Ис-

точник жизни. И только причащаясь ему, мы можем быть ЦЕЛЫМИ. ИСЦЕЛИТЬСЯ.

Во имя Свободы отпавшая от Бога церковь жгла еретиков. Во имя Свободы рыцари идеи справедливости уничтожали классовых врагов. Во имя Свободы подымаются национальные знамена, и научный коммунизм во всех республиках бывшего СССР сменяется научным или околонучным национализмом. А теперь во имя Свободы бывшие советские люди рвутся в Европу, свободную Европу...

Я уже говорила, что сравнительно с нами она и вправду свободна. Жить там уютнее, теплее. Однако свободна от Бога она так же, как и мы. А может быть, даже больше, чем мы. И мало кому есть дело до того, что мир на грани не только физического, но и духовного уничтожения. Мало кому есть дело до того Неба, которое увидел князь Андрей, когда лежал раненный под Аустерлицем. Мало кого пересекают великие вопросы о том самом Целом Вселенной, вне которого мы – лишь разорванные куски, фрагменты. Вне этого целого мы мертвы.

Вот что писал русский философ Фёдор Степун: «Идея свободы (идея в платоновском, метафизическом смысле слова) в отрыве от Истины не познаваема. Свобода в смысле идеи, то есть в смысле высшей духовной реальности, есть путь истинный в мир и путь мира к истине. И познайте Истину, и Истина делает вас свободными». Этой свободы демократия (европейское, западное З.М.) не защищает и не отрицает. Она с нею просто не соприкасается». «То, что она защищает, есть не свобода-истина, а свобода борьбы всех истин друг против друга, точнее, не истин (Истина едина, в ней прекращается всякая борьба), а всех правд и правильностей, неправд и ложностей».

Эта длинная цитата мне очень дорога. Продолжается и культивируется всё та же свобода частей. А ведь имя этому множеству «свобод» – Легион. (Мы знаем, чьё это имя). Истина не дробится на множество кусков, Истина едина.

Когда утрачено это глубинное, внутреннее единство, – то самое, что увидел над собою раненный князь Андрей, и что перечеркнуло всё, что он знал раньше, и что наполнило его новым, потрясающим смыслом; когда утрачено это, жизнь мелеет, высыхает и люди ищут сильных ощущений, и только. Тогда возникают фильмы, вроде «Автокатастрофы» Кроненберга.

В фильме этом потерявшие вкус к жизни герои упорно стремятся пережить автокатастрофу. Так на краю гибели они хотят почувствовать себя живыми. И после пережитого стресса бросаются в объятия друг друга. Секс во всех видах – вот смысл жизни. И ведь нет им числа – подобным фильмам и подобным проблемам.

Как-то я услышала по «Эху Москвы» слова одного из редакторов наших либеральных газет, что всё будет только тогда хорошо, когда умрут люди, помнящие советские ценности и добрые советские фильмы. Может быть, потому всё ещё так плохо, что я до сих пор жива и с большой благодарностью помню фильмы, которые открывали нам небо, и в условиях тупой, глупой цензуры умели прорваться

сквозь неё (потому что была жажда прорваться), и создавали фильмы, где глубоко и полно дышалось; фильмы, в которых не только не терялся вкус к жизни, а даже не понималось, как такая потеря возможна. Нет, там не упоминалось слово «Бог», но не было там и свободы от Бога. Там не раздевались донага, но открывали душу, которая одна только и может предстать перед небом обнажённой и наполняться небом.

Да, советские Дон Кихоты сильно ошиблись. Вместо свободы, равенства, братства их ждали сталинские лагеря, пытки, расстрелы. А народ, ради которого они шли на жертвы, был обречён на голод, на рабство, на зомбирование. Я слышала слова: «Мне стыдно за свой народ». А мне бесконечно, до нестерпимой боли жалко этот народ, растерявшийся, обманутый и в советское, и в постсоветское время. Народ, который шёл на страшные жертвы «во Имя». И это «во Имя» было отнято. Да, Имя было ложным, но без чего-то большего, чем мы сами, народ этот, мой народ, который так часто называют быдлом, – без великого «во Имя» жить этот народ не может.

Я говорю сейчас обо всех народах бывшего СССР. Единство было. И то, что называют советским народом, было реальностью. Обмануты и побеждены были все. Все вместо свободы получили тирана с его подручными. И всё-таки единство было. Была глубокая переключка национальных культур, очень плодотворная и очень нужная. Тиранию надо было отвергать, вовсе не разрушая единства и бережно сохраняя многое из того, что было плодами этого единства. Весь этот многомиллионный народ обманули советские вожди и советские лозунги. Но жажда Истины в людях наших органична и не менее сильна, чем жажда хлеба.

Мы вернулись к Истине, которая есть Бог. Так что же это такое? Звучит тот же вопрос, что и 2000 лет назад: «Что есть Истина? И если Она есть Бог, то что же такое Бог?».

В буддизме Бога, или достигшего богоподобия, просветлённого человека называли Татхагатай: то есть ТАКИМ, такостным, Тем самым... Имен боялись, но знали, что Он – Тот, который не кажется, а действительно ЕСТЬ. Настоящий – Тот, кто знает, что он всегда живой.

Но ведь и у нас в Библии Бога называют Яхве или Иегова, что означает в переводе СУЩИЙ, Суть мира. Она никак не именуется, но Она ЕСТЬ.

А мы уверены, что у мира есть Суть? Мы дошли до самой сути? Или мы ищем чего угодно, только не Её?

Что Она такое? Что такое Бог?

*Бог есть Любовь. И Бог мой ЕСТЬ.
Но это внутренняя весть,
Которую веками мне
Не подтвердит никто извне.
Как тихо... Небо и гора.
Мир – только отблеск от костра,
Что разгорается внутри.
Гори, душа моя, гори...*

Без этого Горения человечество жить не может. Без этого Горения нет ни смысла, ни тепла, ни, может быть, самого воздуха. Челов-

век задыхается в безвоздушном пространстве и бросается в любой огонь – лишь бы душа горела. В любой, но не в тот единственный, чистый, огонь без дыма – белый огонь, который и есть любовь к Богу. Любовь к Любви, созидающей жизнь.

Вот это даётся труднее всего на протяжении всей человеческой истории. Первое горение, даже если оно вначале было чистым, вскоре задымляется, делается из белого огня мутным, а потом и просто чёрным. И вот тогда спасением кажется отсутствие всякого горения. В ситуации, когда есть выбор между чёрным удушливым дымом и отсутствием всякого горения, люди бросаются туда, где дыма нет. Дышать всё-таки можно. Но как? Нет дыма, нет, может быть, угрозы жизни, но и жизни нет. И... нужна автокатастрофа, чтобы что-то почувствовать.

Вспоминая второй раз этот фильм, я вовсе не хочу сказать, что все фильмы на Западе таковы, и что там нет тяготения к Истине. Я могу назвать несколько фильмов, совершенно замечательных, потрясших меня. Среди них и французский фильм «О богах и людях», и итальянский «Исцеляющая любовь», и не один американский, прежде всего «Форест Гамп», и фильм, который вообще чувствую едва ли не самым любимым из всего, что я когда-либо видела – это «Зелёная миля». Фильм евангельской глубины. Но ведь в фильме этом, как и в ранее перечисленных – великая тоска по тому чистому Горению, по Божеской Любви – той настоящей Любви, которая является солнцем духовным. Без Неё нет жизни так же, как и без физического солнца.

«Зелёная миля» есть диалог святого заключённого с человеком, изо всех сил пытающимся избавить его от незаслуженной казни. (Тут напрашивается параллель с апостолом Петром, пытавшимся спасти Христа от распятия). Но на убеждения Пола заключённый отвечает: «Не надо, босс. Я устал, босс. Все страдания мира – во мне. И вся эта злоба, злоба...» (Направленная против него). Этот чистейший человек казнён. И к нам направлен всё тот же вопрос: «Знаете ли вы, что есть Истина?».

А ведь без Неё уже нельзя жить. Мир на краю гибели. Спасение в отсутствии горения уже найти нельзя. Мусульманский терроризм, бешенство безумных фанатиков было ответом на сытое самодовольство тех, чьи души перестали гореть, тех, кто захотел упразднить всякое горение. Ответ страшный, грозящий погубить мир. Но ведь надо противостоять не только ответу, но и тому, что явилось его причиной. Нет, не толерантность. В ней тот же тупик. Горению с чёрным дымом нужно противопоставить только чистое Горение. Белый огонь. Нам надо понять, что задача у нас одна: всеми силами не давать миру угаснуть и всеми силами очищать огонь. Он должен быть чистым пламенем, свободным от всякой примеси дыма, чёрной копоти.

Когда у Г. Померанца спросили, каким он видит век XXI, он ответил, на первый взгляд, парадоксом: «Это должен быть век Святого Духа».

Я уже не раз цитировала это. И каждый раз объясняла, что Григорий Соломонович был человеком очень трезвой мысли, очень

далёким от прекраснодушия. Сказал он так потому, что ясно видел: все утопии, все надежды на построение рая на Земле с непреобразёнными людьми, – выдохлись. Мы на краю гибели. И спасти нас может только то, что нас создало: **свобода Бога в нас, а не свобода от Бога**. В свободе Целого и состоит наше исцеление.

Поворот к этому – самая трудная работа на свете. Но пришло время понять, что только эта работа нужна нам. Ничего другого.